

27 августа — 100 лет со дня рождения великой актрисы Фаины Раневской Век. клуб. — 1996. — 24 авг. — с. 7.

«Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом, которому отрубили руки»

Фаина Георгиевна Раневская стала легендой еще при жизни. Мгновенно запоминающиеся, острохарактерные образы, созданные ею в фильмах «Свадьба», «Мечта», «Весна», «Золушка», «Подкидыш», сделали Раневскую необыкновенно популярной, а великолепные работы на сцене поставили в один ряд с величайшими актрисами русского театра.

Со дня ее смерти прошло 12 лет, но до сих пор из уст в уста передаются ее неподражаемые остроты и афоризмы.

«В одном мне повезло: знала чудесных людей», — сказала она однажды. Тем, кто знал Фаину Раневскую, повезло необыкновенно.

Борис ИВАНОВ:

У нее был чаплинский юмор

За долгую жизнь Фаина Георгиевна ни разу не предала своих идеалов. Она ни за что не соглашалась играть, если ей не нравилась пьеса или сценарий. Безусловно, случались ошибки, с актерами такое не редкость, но сознание трезвого художника не изменяло ей и в неудачах.

После съемок на «Ленфильме» в картине «Бабушка» я, естественно, поинтересовался результатами. «Это — большая куча говна». Ответ, как всегда, меток, лаконичен и прост. Кстати, она всегда была недовольна своей работой. Все в восхищении, а она — нет. И от партнеров, видимо, тоже не была в восторге. Но мы очень старались.

Играть с ней было самое высокое наслаждение. Каза-

лось, будто бы и сам становился классом выше. Даже на репетиции Раневская играла (а не «прокатывала») свою роль с полной отдачей. Искала самое оригинальное и единственное решение. Это был необыкновенный момент творчества, парения духа, таланта, уникальности воображения.

Последней нашей совместной работой в театре была пьеса «Дальше — тишина». Драматургия — так себе, но Ра-

невская и Плятт подняли ее до уровня шедевра, на сцене шел глобальный разговор отцов и детей. Я играл в спектакле друга семьи — аптекаря Левицкого.

Старики прожили вместе всю свою жизнь, они обожали детей, работали и прокладывали им дорогу в жизнь. И вот они должны расстаться, их растаскивают по разным углам: отца берет старшая дочь, а мать отправляют в дом престарелых. Трагедия семьи вовсе не в том, что в ней выросли плохие дети. Просто миссис Купер (Раневская) постоянно проявляет никому не нужную инициативу, мешая всем и вся.

Копна изумительных, чуть подсиненных волос, огромные влажные глаза — таков портрет миссис Купер. Ее юмор, почтаплинский печальный, смешил зрителей, которые одновременно смеялись и вытирали от жалости к старикам глаза. Не часто приходилось видеть со сцены море носовых платков: белых, голубых, розовых.

Великий дар художника — из конкретного случая сделать обобщенную ситуацию: когда-то счастливая мать соглашается, чтобы ее живую «зарыли в могилу». Потому что выжить вдвоем от мужа она уже не сможет. Типичная трагедия.

Фаина Георгиевна, будучи непригодной к жизни (ни приготовить обед, ни постирать, ни убираться), обладала необычайной мудростью, понимала беды людей. Говорить о даме — «явление» — смешно, но она все же является великим достоянием России.

Маргарита ТЕРЕХОВА:

Возраст к ней не имел никакого отношения

Впервые в театре я увидела Фаину Георгиевну в спектакле Дж. Патрика «Странная миссис Сэвидж». Когда она вышла на сцену, подумалось: да ведь это — айсберг, огромный и величественный.

От нее невозможно было отвести глаза. Она управляла зрительным залом, притягивая, словно магнит. Каждой ее фразе предшествовала длинная пауза в полном молчании. Такая тишина в театре — явление редкое. Секунда, другая, третья. В мгновении — иной раз целая вечность...

К сожалению, сегодняшние зрители уже никогда не познают великого театрального гипноза Фаины Георгиевны. Техника, увы, не в состоянии передать его в записанных на пленку спектаклях. Я поняла это, когда посмотрела телевизионный вариант пьесы «Дальше — тишина».

Мне довелось работать вместе с Раневской в этом спектакле. Ставил его Анатолий Эфрос. Помню, как выстраивал он взаимоотношения бабушки (Раневская) и внуки (я). И каждый раз возникала неадекватная реакция в поведении Фаины Георгиевны.

Удивительное чувство, когда рядом — гений. Актеры ее уровня необыкновенны в общении. Они совершенно демократичны. Им совершенно

наплевать, кто перед ними — студент или профессор. Раневская была равна со всеми, не церемонясь в эпитетах.

Очень смешно вела себя на репетициях, наивно утверждая, что по своей забывчивости с ней может произойти какая-то невероятная история. И тут же, фантазируя, придумывала эту историю: «Как только я что-нибудь стану забывать на сцене, вот увидите, обязательно свалюсь в оркестровую яму».

Часто вспоминаю, как Фаина Георгиевна однажды устроила свой день рождения для нас, молодых. Она развлекала нас, играя роль массовика-затейника так, как это описано в романах Толстого: с играми в фанты, сюрпризами, шарадами.

Старой ее до самой смерти называть было невозможно, возраст к ней не имел никакого отношения. Она могла «раскочегарить» своими словечками кого угодно. Жаль, что наше поколение не застало актеров круга Раневской в годы их молодости. Говорят, они изумительно жили, работали и проводили время...

Из записных книжек и разговоров Фаины Георгиевны

— Я не тщеславная, я признаю письма поклонников только комические. Одна написала: «Люблю вас, как Джоконду и Индиру Ганди». Другой: «С вас магарыч за вашу дивную игру»... Кстати, я однажды на кладбище в Тбилиси видела памятник с надписью: «Жене. От горячо любимого мужа». Тоже весело, правда?

После спектакля грустно смотрит на корзину с письмами и открытками, полными слов восхищения и любви, и печально замечает:

— Как много любви, а в аптеку сходить некому.

Поклонница просит домашнего телефона Раневской.

— Дорогая, откуда я его знаю. Я же сама себе никогда не звоню.

— Я — выкидыш Станиславского.

Если кто-либо возражал, называя ее пессимисткой, отвечала: «Очень грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз».

Секретарь партбюро предложил Раневской вступить в партию:

— Что вы! Я по ночам кричу.

После спектакля «Дальше — тишина» подошел поклонник: — Товарищ Раневская, простите за вопрос — сколько вам лет?

— В субботу будет 115.

Раневская отдыхает в Комарово (под Санкт-Петербургом). Рядом проходит железная дорога.

— Как отдыхаете, Фаина Георгиевна?

— Как Анна Каренина.

Охудсове: — Сидят и кушают бойцы товарищей своих.

Фаина Георгиевна поскользнулась на улице и упала:

— Граждане, подымите. Такие актеры на улице не валяются.

Мне попадались люди, не любящие Чехова, но это были люди, не любившие никого, кроме самих себя.

Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом, которому отрубили руки.

Мальчик сказал: «Я сержусь на Пушкина, няня ему рассказывала сказки, а он их записал и выдал за свои». Прелесть!

Но боюсь, что мальчик все же полный идиот.

Театр катится в пропасть по коммерческому рельсам.

Самое ужасное — это обидеть, огорчить человека, ударить собаку, не покормить ее, голодную. К старости надо доброты с утра до вечера!

Вчера возили на телевидение. Вернулась разбитая. Устала огорчаться. Снимали спектакль «Дальше — тишина». Неумелые руки, бездарные режиссеры телевидения, случайные люди.

Меня не будет, а это останется. Беда.

В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль за спасение утопающих. Теперь медали, ордена держу в коробке, где нацарапала: «Похоронные принадлежности».

Бог мой, как я стара — я еще помню порядочных людей!

Огорчить могу — обидеть никогда. Обижая разве что себя самое.

Моя жизнь: одиночество, одиночество, одиночество до конца дней...